

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

VII

1921

ПАРИЖЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Гр. Алексѣй Н. Толстой. — ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ. (Романъ), (Окончаніе)	1
2. Георгій Гребенщиковъ. — ЧУРАЕВЫ. (Романъ). (Продолженіе).	44
3. Марина Цвѣтаева. — Стихотворенія	93
4. Баталья Крандѣвская. — Стихотворенія	104
5. Амари. — НИКОЛАЙ I. (Изъ поэмы «Декабристы»),	106
6. В. Сиринъ. — Стихотворенія.	108
7. К. Д. Бальмонтъ. — БѢЛАЯ НЕВѢСТА. (Повѣсть)	109
8. М. А. Алдановъ. — ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА. (Отрывокъ изъ неизданной книги).	130
9. Проф П. Г. Виноградовъ. — ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ.	154
10. С. В. Лурье. — ДВА ПУТИ. (Философія идеи и философія переживанія).	162
11. Н. М. Минскій. — ОТЪ ДАВТЕ КЪ БЛОКУ	188
12. Дюнео. — ЛИТЕРАТУРА ИРЛАНДСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ	209
13. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССІИ. (Статья третья)	237
14. Кн. В. Оболенскій. — ВОСПОМИНАНІЯ О 1891 ГОЛОДНОМЪ ГОДѢ	261
15. Ст. Ивановичъ. — ПОГИБЕЛЬ.	286
16. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — X...: ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ — В. И. Таливъ: ПО ПЕРЕПИСИ. — Б. Шлецеръ: ДВА ПОЛЮСА РУССКОЙ МУЗЫКИ. — Андрей Левинсонъ: СЮАРЭСЪ	322
17. М. В. Вишнякъ. — НА РОДИНѢ. I. Чѣмъ русскіе люди живы? — «Индивидуальное добываніе пищи». — Отъ золота о вѣка къ каменному. — II. Проклятіе прошлаго. — Факторы голода: естественныя и производныя. «Реальный нажимъ» и размѣры голода. — III. Всероссийскій Общественный Комитетъ. Двѣ стороны. — «Реалисты-Общественники». Дѣло «государственное и общественно обязательное». — Общественность зарубежная. — «Россія прежде всего! Народъ прежде всего!» — Капитуляція или трамплинъ? — Ленинъ, Зиновьевъ, Дзержинскій. — Тройной прѣсчетъ. — Ликвидация внутрироссійской помощи. — IV. Помощь, какъ международная проблема. — Голодь и новыя перспективы во внѣшней политикѣ большевиковъ. — „Коминтернъ“ и „Коминдѣлъ“. — Голодь и интересы Европы, Азии, Америки. — Помоць людямъ, но не учрежденіямъ! Хлѣбъ голоднымъ, но не кредиты властямъ!	361

18. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: — А. Аргуновъ: Г. К. Гинсъ: «Сибирь, Союзники и Колчакъ»: т. II. — Ст. Ивано-вичъ: Г. В. Плехановъ: «Годъ на Родинѣ», 2 т. — Ст. И.: Ив. Наживинъ: «Записки о революціи». — Б. Шлецеръ и М. В.: «Знаніе», № 1 и 2; «Временникъ литаратуры и политики». — В. Р.: Генрихъ Штребель: «Германская революція, ея несчастье и ея спасеніе». — А. Левинсонъ: «Жаръ-Птица», № 1. — Б. Ш.: Шарль Андлеръ, «Молодость Ницше». 393
-

Продолженіе очерковъ С. Р. Минцлова «ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ»,
намѣчено въ дальнѣйшихъ №№.

Событія нарастали быстро. Не видя ни откуда помощи, стали просить ее у иностранцевъ, не останавливаясь передъ условіями. Мин. Гойеру и Третьякову «поручено было войти въ переговоры съ японскимъ посломъ относительно тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя могли-бы быть предоставлены Японіи на Дальнемъ Востока, въ случаѣ ея помощи правительству». Начались разговоры о перемѣнѣ ориентаціи. Но все было безплодно. Катастрофа уже началась; пришлось сдать Омскъ и бѣжать на Востокъ. Войска отступали въ ужасныхъ условіяхъ, безъ желѣзной дороги, страдая отъ морозовъ и голода.

Въ Иркутскѣ наступила агонія.

Сдѣлана была еще попытка. Во главѣ бѣжавшаго правительства всталъ Пенелеевъ, который «горѣлъ желаніемъ демократизировать курсъ правительства, подчинить себѣ военныя власти а впослѣдствіи добиться выѣзда верховнаго правителя изъ Сибири». Даже эсеровъ привлечь въ правительство хотѣлъ. Но въ это время уже создался въ Иркутскѣ такъ называемый «политическій центръ» изъ лѣвыхъ элементовъ, который захватилъ власть, пользуясь поддержкой союзниковъ. Колчакъ изъявилъ согласіе на предложеніе совѣта министровъ отречься въ пользу Деникина и отдать себя подъ охрану союзниковъ. По прибытію въ Иркутскъ онъ и Пенелеевъ были переданы повстанческимъ властямъ.

Такъ кончилась эпоха сибирской диктатуры.

Смѣнившая ее власть иркутскаго «политическаго центра» продержалась нѣсколько дней и была легко ликвидирована большевиками, и Сибирь погрузилась въ мракъ совѣтскаго хаоса.

Подводя итоги своимъ очеркамъ, министръ Гинесъ меланхолически замѣчаетъ: «сила новыхъ движеній и будущихъ русскихъ правительствъ будетъ измѣряться исключительно степенью близости ихъ къ народу, степени участія самого народа въ отправленіи власти». «Эпоха Колчака и Деникина были кризисомъ въ нововой болѣзни русскаго народа».

Надо надѣяться, что эта болѣзнь изжита и не вернется.

А. Аргуновъ.

Г. В. Плехановъ. — «ГОДЪ НА РОДИНѢ». Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 г., въ двухъ томахъ. Изд. I. Povolozky, Paris 1921 г.

Г. В. Плехановъ — фигура слишкомъ значительная въ исторіи русской культуры послѣднихъ десятилѣтій, чтобы можно было пренебречь любой строчкой блестящаго писателя, глубокаго мыслителя и страстнаго борца за идеалы эмансипирующагося человѣчества.

Со смертью Г. В. Плеханова, можно смѣло сказать, кончилась героическая полоса въ исторіи русской общественной мысли, начавшаяся неистовствомъ Бѣлинскаго и черезъ неистовство Герцена и Михайловскаго дошедшая и пона остановившаяся на неистовствѣ Плеханова. При жизни Г. В. Плеханова его неоднократно обвиняли въ страстномъ, черезъ край бьющемъ полемизмѣ, мѣшавшемъ иногда людямъ, даже раздѣлявшимъ его основныя соціально-политическія и философскія предпосылки, стать въ ряды борцовъ подъ однимъ съ нимъ знаменемъ. Подъ этими знаменами было не тепло, а жарко... Обжигались не только противники, обжигались и друзья. Теперь, когда все это уже — увы прошлое — теперь легко распознать во всемъ этомъ нашу національную черту: наше *неистовство общественно-литературнаго служенія*. Намъ не дана была условиями нашего культурнаго и общественно-политическаго развитія эта благодать спокойнаго-размѣреннаго идеологическаго творчества, знакомая даже самымъ крайнимъ теченіямъ въ Западнѣй Европѣ. Въ Г. Плехановѣ же соединились въ одинъ огневдышащій потокъ двѣ бурныя струи: полемическая традиція марксизма и неистовство героической полосы русской общественной мысли, начавшееся Бѣлинскимъ.

И вотъ послѣ 37 лѣтъ изгнанія борець, углубившійся въ исторію Россіи, въ исторію искусства, пріѣзжаетъ физически немощный на родину и вновь вспыхиваетъ священнымъ огнемъ общественнополитическаго неистовства. И нѣтъ никому пощады: ни «своимъ», ни «чужимъ», ни врагамъ. Замѣчательно, что первая же рѣчь, произнесенная черезъ два дня послѣ пріѣзда въ Россію, человѣкомъ больнымъ и усталымъ отъ тяжелой дороги, дышетъ все тѣмъ же безстрашіемъ, неистовствомъ по отношенію къ чужимъ и своимъ. Въ тотъ моментъ «свои» были во власти диммервальдизма. Говорить тогда въ народной аудиторіи о необходимости рѣшительной борьбы съ нѣмцами, тѣмъ болѣе о «побѣдѣ» было признакомъ весьма дурнаго тона и крайне «нетактичнымъ». Я былъ тогда среди его слушателей и знаю достовѣрно съ какимъ двойнымъ чувствомъ уваженія къ учителю и рѣшительнаго отрицанія его ученія слушали его руководящіе элементы совѣта депутатовъ. И что же? Плехановъ никого не пожалѣлъ. «Свои» сидѣли на иголнахъ, потому что огромное чувство радости отъ соприсношенія съ родной освобожденной землей, вмѣстѣ съ исключительными ораторскими дарованіями Плеханова покоряли толпу, которую учили «противъ войны» и которая охотно эти лозунги усталости и пораженія впитывала. И этой массѣ въ такой моментъ, среди такъ настроенныхъ «своихъ» онъ говорить о томъ, что «соціалъ-патріотомъ» быть хорошо и онъ поэтому таковымъ является...

Неистовые люди одиноки... Но неистовые люди не боятся одиночества. Или вѣрнѣе такъ: неистовые люди не боятся одиночества и поэтому они одиноки. Плехановъ выпилъ всю горькую чашу этого положенія. На родинѣ не нашлось для него мѣста въ ряду командующихъ силъ русской революціи. Рядомъ съ нимъ было неудобно и очень... опасно.

Въ маленькой, слабой технически и слабой, за исключеніемъ самого Плеханова, литературно газетѣ «Единство» онъ отмежевалъ себѣ мѣсто, гдѣ началъ свою работу борьбы съ кривопутьями русской революціи... «Единство» мало читалось. И одинъ «единственный» въ своемъ «Единствѣ» онъ сжигалъ послѣдніе остатки своихъ, подхлотившихъ къ концу силъ въ борьбѣ за революцію демократическую, за Россію національно независимую, за социализмъ научный и реалистическій.

Два тома, изданныхъ друзьями покойнаго содержать его многогя рѣчи и статьи изъ «Единства». Прочитывая ихъ теперь, внѣ давленія алобы дня, по настоящему начинаешь чувствовать неистовую правду многихъ высказываній Плеханова. Видишь, конечно, и ошибки другихъ. Не въ этомъ дѣло. И не съ точки зрѣнія суда надъ ошибками однихъ или другихъ интересны эти два тома. Эпилогъ мартовской революціи, развалины Россіи гораздо поучительнѣе самыхъ неистовыхъ истинъ и самыхъ неистовыхъ заблужденій. Цѣнность этихъ случайныхъ замѣтокъ, иногда полемическихъ отписокъ, а иногда серьезно разработанныхъ темъ состоятъ въ томъ, что на нихъ вы можете прослѣдить годъ въ исторіи русской революціи, освѣщенный яркимъ умомъ и яркимъ перомъ исключительнаго по внутреннему напряженію таланта. Какъ газетнаго работника, откликающагося почти изо дня въ день на трагическія событія современности Плеханова можно видѣть только въ рецензируемой книгѣ. И поразительно, какъ онъ здѣсь равенъ самому себѣ. Въ маленькой газетѣ среди тѣсныхъ столбцовъ Плехановъ не размѣнялъ себя, а только по иному выявился. Для исторіи и теоріи газетнаго стиля эти два тома являются неоцѣнимымъ вкладомъ. Первое, что можно извлечь изъ нихъ — это огромное чувство *свободы*, владѣющее перомъ автора. Въ маленькой статейкѣ Плеханову — *не тѣсно*. Онъ ни о чемъ не говоритъ мимоходомъ. И каждая фраза, каждое слово сказаны и написаны такъ, точно дальше другія слова и фразы здѣсь уже побывали и побратались съ тѣснымъ единствѣмъ. Плехановъ не боится экскурсіи въ любую область духа и знанія, онъ охотно сыплетъ цвѣтами своего энциклопедизма, — то, что насъ поражаетъ въ крупныхъ работахъ нашихъ «неистовыхъ», въ толстыхъ журналахъ и книгахъ.

Раціонализмъ — вторая черта газетныхъ писаній Плеханова. Блескъ, энциклопедическая искрометность Плеханова подчи-

нены всегда страшной системѣ простыхъ ясныхъ силлогизмовъ. Они иногда раздражаютъ своей элементарной конструкціей, своей непреодолимой если можно такъ выразиться... направленностью. Для того, чтобы убѣжать отъ вывода, который вамъ почему-либо не нравится надо вернуться назадъ. Вернувшись къ началу для того, чтобы отвергнуть конецъ вы находите положеніе столь простое и элементарное, что отбросить его никакъ невозможно. Элементарность силлогизма начинаетъ казаться ловушкой, плѣномъ...

Рационализмъ въ газетной статьѣ — это во всякомъ случаѣ замѣчательное и рѣдко встрѣчающееся явленіе публицистической прозы.

И третье: безстрашіе передъ инако мыслящими. Взять быка за рога, ударить по самому большому мѣсту — въ этомъ Плехановъ рѣдкій мастеръ. Во многихъ случаяхъ можетъ казаться, что Плехановъ какъ бы нарочно затрагиваетъ самые острые моменты спора. Передъ трагическіи закончившимся наступленіемъ русской арміи Плехановъ пишетъ объ этомъ со смѣлостью и рѣшительностью, приводившия, я это помню, въ недоумѣніе очень многихъ близкихъ къ его убѣжденіямъ оборонцевъ. Плехановъ явно «портилъ» дипломатію многихъ дѣятелей революціи, придерживавшихся тѣхъ же взглядовъ, что и онъ, но предпочитавшихъ глубокомысленно молчать.

Теперь мы видимъ цѣну этого молчанія, Но тогда, надо это признать, положеніе часто было таковымъ, что многія идеи отбрасывались не вслѣдствіе ихъ внутренней несостоятельности, а потому, что ихъ высказываль... Плехановъ. Они становились «плехановскими», т.е. компрометирующими...

Такъ ровнымъ образомъ Плехановъ становился пугаломъ для многихъ изъ «малыхъ сихъ» и не только «малыхъ».

Два тома статей Плеханова — это трагическая повѣсть одиночества большого человѣка, мыслителя и писателя. Это лебединая пѣсня умирающаго борца, который бросилъ свои научные труды, чтобы жить и работать среди родного народа и которому суждено было страдать и умереть въ финской деревушкѣ...

Изданіе снабжено біографическимъ очеркомъ, не могущимъ удовлетворить потребности въ синтетической характеристикѣ Г. В. Плеханова. Эта задача ждетъ еще своихъ исполнителей. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ біографіи пользовался «неизданными еще воспоминаніями Р. М. Плехановой». Нечего говорить какое огромное значеніе для знакомства съ обликомъ Г. Плеханова имѣло бы изданіе этихъ воспоминаній.

Ст. Ивановичъ.